

Анчек Сурет Хазретовна

## **ЯЗЫКОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ПЕСНИ КАК КОМПОНЕТА ОБРЯДА "ЧАПЦ"**

В центре исследования - древнее обрядовое представление "Чапц". Рассматриваются народные песни "Сагъындакъ" ("Колчан"), "Кіэпцэ орэд" (Чапцевая песня), "Шьорэкі орэд" (Песня лечения оспы), выявляются их функциональные и языковые особенности. Определяется, что исследуемые песни обладают магическими, лечебными, карнавальными свойствами, а их вербальные тексты дают информацию о самом этносе, его языке, быте и культуре. Делается вывод, что чапцевые песни являются одним из способов народного врачевания.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/20.html](http://www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/20.html)

Источник

### **Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 82-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 811.352.3

*В центре исследования – древнее обрядовое представление «Чапш». Рассматриваются народные песни «Сагъындакъ» («Колчан»), «КІэпцэ орэд» (Чапцевая песня), «ШьорэжІ орэд» (Песня лечения оспы), выявляются их функциональные и языковые особенности. Определяется, что исследуемые песни обладают магическими, лечебными, карнавальными свойствами, а их вербальные тексты дают информацию о самом этносе, его языке, быте и культуре. Делается вывод, что чапцевые песни являются одним из способов народного врачевания.*

*Ключевые слова и фразы:* язык; обряд «Чапш»; чапцевая песня; врачевальная песня; вербальный текст.

**Анчек Сурет Хазретовна**, к. филол. н.

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева  
ancheksuret@mail.ru*

### ЯЗЫКОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ПЕСНИ КАК КОМПОНЕТА ОБРЯДА «ЧАПШ»

Народная песня – это многоаспектное полифункциональное явление, вошедшее в художественную культуру этноса. Она чиста, честна и справедлива. Еще в свое время Хан-Гирей заметил «неистощимость древних адыгских песен красотой слога и силой выражений» [7, с. 93].

Издревле песня сопровождала различные виды трудовой деятельности адыгов (пахоту, косьбу, молотьбу, прополку и очистку кукурузы, кузнечество, врачевание). Она могла стать обращением к покровителям реки, леса, дождя, грома, молнии. А речитативы и хохи адыгов, которые как читались, так и пелись, нередко сопровождалась заклинаниями и причитаниями. Предполагают, что данные «формы художественного мышления адыгов существовали даже до появления героического эпоса о нартах» [2, с. 9].

Исследователь песенной культуры адыгов Р. Б. Унарокова считает, что народная песня, прежде всего, является «системой вербальных текстов» [6, с. 57], исследование которых дает нам богатую информацию о самом этносе, его языке, быте и культуре. В этом плане адыгские песни очень информативны.

Песнопение или рассказывание устно-поэтических произведений различных жанров всегда были неотъемлемой частью драматизированных представлений, которые занимали особое место среди древних адыгских культов и символических обрядов. В песнопении все присутствующие принимали участие или один из стариков запевал, остальные подпевали ему.

Наше внимание привлекло древнее обрядовое представление «Чапш», которое многие исследователи считают исчезнувшим в середине XX столетия. Но, как отмечают Л. В. Копоть и С. М. Нехай, совершение данного обряда можно наблюдать и сегодня, потому что «образование самостоятельной республики <...> позволило, пусть несколько искусственно, реконструировать данное фольклорное действие» [1, с. 46].

«Чапш» – драматизированное зрелище, устраиваемое в комнате раненого, больного с переломом кости или укушенного зверем с целью отвлечь его внимание от болевых ощущений и не дать ему заснуть, чтобы во сне он нечаянно не повредил рану.

У адыгов существовало еще другое поверье, что «если больной уснет, то его “душа” покинет его, и он умрет». По этому поводу Ф. Торнау пишет: «Черкесы, полагая удалить смерть от тяжелораненого, не дают ему засыпать первое время. Для этого убирают его комнату всем, что имеют лучшего, а возле входа кладут железо от сохи, в которое каждый приходящий должен сделать несколько ударов. Знакомые собираются к нему толпой и шумно разговаривают, между тем как девушки в праздничных нарядах, пляшут и поют в избе» [5, с. 378-379]. В «Чапше» также обнаруживаются зрелищные драматические игры, такие как «Бжьэрыбжь» («Пчела»), «Іупау» («Откусывание лепешки»), «ТьыргІ» («Бой баранов»), на подробном анализе которых останавливаться не будем, так как нами исследуется несколько иной аспект.

Неотъемлемым компонентом чапшевских сборищ были народные песни, которые впоследствии были номинированы как чапцевые песни (их еще причисляют к «врачевальным песням» [1, с. 45]), относящиеся к самому древнейшему музыкальному жанру, сохранившемуся на протяжении многих веков. Исследование вербальных текстов песен поможет раскрыть специфику данного обряда. Рассмотрев классификацию чапцевых песен Ш. Х. Хута и З. М. Налоева, современные исследователи врачевальных песен обряда «чапш» Л. В. Копоть и С. М. Нехай произвели следующую градацию: а) песни лечения оспы; б) песни лечения раны; в) песни лечения перелома; г) песни терапевтического лечения [Там же, с. 47].

Предметом нашего исследования стали вербальные тексты народных песен «Сагъындакъ» («Колчан»), «КІэпцэ орэд» (Чапцевая песня), «ШьорэжІ орэд» (Песня лечения оспы). Все три песни относятся к жанру «народная песня», по выполняемой ими социальной функции являются обрядовыми, по содержанию – это врачевальные песни, используемые при совершении обряда «Чапш».

Для определения типа песни, прежде всего, нами рассмотрена лексика данных песен в связи с тем, что она является самой чувствительной и подвижной частью языка. Значительное распространение в песне «Сагъындакъ» получили лексические единицы, обозначающие названия различных видов вооружения, которыми пользовались в далекие исторические времена: *чатэ* / «меч», *сэ* / «сабля», *бзэгожь* / «вид оружия», *цылбыр* / «аркан», *тэхьутэй* / «чехол для ружья», *сагъындакъ* / «колчан», *пцэшлуац* / «свинцовая пуля». У нас сложилось мнение, что больной принимал участие в каком-то сражении и получил травму в виде раны. Это позволило нам причислить ее к песням лечения раны.

Кроме того, в песне встречаются строки-подсказки: *Зы түшилуацэр ыкопкышъхъэ цэджэгу* / «Одна свинцовая пуля разыгралась в его бедренной кости»; *Джэгокложъым тыцэнэльэшлор аус* / «Джегуако сочиняют добрый сказ о нем»; *Гоицэ цысым чъыр лэныстэр къегъабз* / «Сидящая княгиня заставляет стальные ножницы резать». В данном случае сочетание *гоицэ цысэр* / «сидящая княгиня» подразумевает «смотрительницу у постели больного». М. М. Паштова считает, что «функцию девушки-смотрительницы выполняет доверенное лицо семьи, самого больного» [4, с. 220]. В данном случае мы думаем, что роль смотрительницы выполняла жена больного: *Сызэплъыжъэм – Тегъангуацэшиъ сыцыс* / «Посмотрю на себя – хозяйкой Тегана сижу».

Песня «КІэпшэ орэд» (Чапщевая песня) напоминает состязание в острологии и остроумии, местами носит сатирическо-комический характер. Такого рода состязания требовали от участников необычного интеллекта и безукоризненного владения языком. В песне наблюдается языковая игра, которая привлекает внимание к форме текста, снижает напряженность общения. По мнению К. Н. Паранук, «игра сама по себе представляет собой модель и одновременно моделирование культуры» [3, с. 54], что совершенно справедливо в контексте рассматриваемой песни. Сделанный анализ позволяет нам отнести данную песню к врачевальным песням терапевтического характера. В тексте нет ни прямых, ни косвенных подсказок для точной номинации болезни, но содержание песни дает информацию, что за больным осуществляется долгий уход, когда поднимается температура, лечат его лопухом: *Тхъаркъожъыльэр здытичэл, / Лыгъаер къагломэ тызэдикІын* / «Лопуховое поле наш шалаш, / Сильный огонь настигнет, преодолеем».

Песня «Шъорэкі орэд» так и называется «Песня лечения оспы», предназначена для лечения больного оспой. В песне не называются сама болезнь и имя покровителя, здесь используется табуированная лексика: *бгъэ ныбгъум къырахы* / «достают из орлиного гнезда», *дышгъэ шыу* / «золотой всадник». Считалось, что прямая номинация навлечет беду. Как известно, оспа оставляет небольшие рубцы, щербины, поэтому просят Всевышнего: *Фыкъуагъэхэр къытхэмыгъэкі* / «Не оставляй испорченных тобой». Данная песня звучит как заговор против болезни.

В лексический оборот всех песен еще входят единицы, о значении которых приходится только догадываться, потому что они вышли из употребления: *Іулы-мыл* / «сухая замерзшая трава» – *Шэу зытесым Іулы-мылыр иІус* / «Сухая замерзшая трава – корм для его коня», *къундауз* / «название материи» – *Къундауз шІуцІэр зипэІо тхъакі* / «Чья подкладка шапки из черной материи». Некоторые единицы вообще не поддаются переводу: *одээнкІэ, дарбэтэн*. Это говорит о древности песен.

Язык обрядовых песен имеет ряд особенностей. В них много гипербола, эпитетов, сравнений, метафор, с помощью которых песни выполняют карнавальную функцию. Также им свойственна развернутая аллитерация: *КІасэм сеплы, сижъабгъунэ тедыс. / ЗызэсыдзэкІээ дарие шъхъантэр сэгъэхъокІ. / СигухэкІ синыбджэгъумэ зэдашІ. / ШІагъо зишІэкІэ кІэсэн лыер къекІуахъ...* / «Посмотрел на любимую, правый глаз задержался на ней. / Переворачиваясь, шелковую подушку протер. / Мои друзья знают о моем огорчении. / Узнав о радостном, она лишней раз деревянную колонну обойдет...». В этом тексте повторяются согласные звуки: [с] – почти в каждом слове; [кІ] – в словах *кІасэм, зызэсыдзэкІээ, сэгъэхъокІ, сигухэкІ, кІэсэн*; [шІ] – в словах *зэдашІ, шІагъо, зишІэкІэ*. Повтору подвергаются целые звукокомплексы: *джэгу/джэгу – цэдджэгу/киграет* и *джэгокложъым* / «сочинитель песни».

Наблюдаются элементы стыка: *Чэтэ онэр джагъом ытигъэ дэрэф. / Фэрэ шыкІэр ячІыунэ цагъас, / Сэ ихыгъор япчэІунэ цаублэ. / Мэз бланэр цылбыркІэ къябгъац...* / «Бьющий меч пусть падет на шею врага. / Жеребенка Фару растят в подвале, / На пороге из ножен меч вынимают. / Заставляешь вести лесную лань на аркане...».

Одной из главных грамматических особенностей чапщевских песен является употребление глаголов в аористой финитной форме, обозначающих мгновенное однократное действие: *къябгъац* / «заставил привести кого-л.», *аус* / «сочинили», *къекІуахъ* / «обошел», *къысэплъ* / «посмотрел на меня». В контексте глаголы относятся к изъявительному наклонению, прошедшему времени.

Тексты песен богаты фразеологизмами: *зы түшилуацэр ыкопкышъхъэ цэджэгу* / (досл.: одна свинцовая пуля играет в кости бедра) «одна свинцовая пуля пронзила кость бедра», *тхъам рефыжъ* / (досл.: Всевышний погнал кого-л.) «болезнь охватила». Различные противопоставления обогащают стиль языка: *Джагъом урихыллэмэ укытхинэн, / КІасэм урихыллэмэ удихыжъын* / «Встретится тебе неприятель – оставит тебя умирать, встретится тебе друг – не оставит тебя».

Частое использование сравнительных сочетаний является синтаксической особенностью песен: *Сагъындакыр пчыпэ мазшиъ мэшІэт* / «Колчан, как новая луна, сверкает». *Тесэр – бгъэшхъожъ ныбаджэшиъ мэфарз* / «Всадник – как старый голодный орел, парит».

Наблюдаются строки-проклятия: *Чэтэ онэр джагъом ытигъэ дэрэф* / «Пусть поднятый меч упадет на шею врага», строки-благопожелания: *Фыкъуагъэхэр къытхэмыгъэкі* / «Не оставляй испорченных тобой», которые характеризуют магическую особенность песен.

Таким образом, среди народных песен наблюдаются чапщевые песни, являющиеся неотъемлемым компонентом обрядового представления «Чапш». Исследовав их лексические, морфологические и синтаксические особенности и выполняемые ими функции, пришли к выводу, что первую песню можно отнести – к песням лечения раны; вторую – к песням терапевтического лечения; третью – к песням лечения оспы. Рассмотренные песни являются яркими примерами различных типов чапщевых песен. В целом они представляют собой систему вербальных текстов, исследование которой дало нам информацию о самом этносе, его языке, быте и культуре. Тексты чапщевых песен выполняют и лечебную функцию, так как они развлекают больного, отвлекают его внимание от болевых ощущений, поднимают настроение, веселят. В связи с этим напрашивается вывод, что чапщевые песни являются одним из способов народного врачевания.

## Список литературы

1. Копоть Л. В., Нехай С. М. Функциональная значимость врачевальных песен обряда «чапш» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2015. № 4 (168). С. 45-50.
2. Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 416 с.
3. Паранук К. Н. Особенности художественной реализации образа джегуако и связанных с ним элементов игровой культуры в современном адыгском романе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2010. № 2 (58). С. 54-60.
4. Паштова М. М. Текст обряда чапш: мифология, прагматика, этнокультурные диалекты // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие: материалы междунар. науч. конф. Майкоп, 2012. С. 219-223.
5. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. 457 с.
6. Унарокова Р. Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
7. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 334 с.

**LINGUISTIC AND FUNCTIONAL PECULIARITIES  
OF FOLK SONG AS AN ELEMENT OF “CHAPSCH” CEREMONY**

**Anchek Suret Khazretovna**, Ph. D. in Philology  
*Adyghean Republican Institute of Humanitarian Researches named after T. M. Kerashev*  
*ancheksuret@mail.ru*

The article focuses on the ancient ritual performance “Chapsch”. The author examines folk songs “Sagyndak (Quiver)”, “Klepsched (Chapsch song)”, “ShorekI ored (Song to cure smallpox)”, identifies their functional and linguistic peculiarities and argues that the mentioned songs have magic, medical, carnival features and their verbal texts contain the information on the ethnos itself, its language, culture and everyday life. The paper concludes that Chapsch songs are one of the methods of folk medicine.

*Key words and phrases:* language; “Chapsch” ceremony; Chapsch song; healing song; verbal text.

УДК 81'27:811.161.1

*Данная статья посвящена проблеме определения метакоммуникативной функции и ее реализации, что связано с пониманием процесса метакоммуникации в целом. Метакоммуникативная функция рассматривается как разновидность прагматической функции в аспекте регуляции речи в процессе общения. Выделяются метакоммуникативная контактоустанавливающая и метакоммуникативная контакторегулирующая функции, которые, в свою очередь, также могут быть детализированы посредством выделения подфункций.*

*Ключевые слова и фразы:* метакоммуникация; метакоммуникативная функция; прагматическая функция; метакоммуникативная контактоустанавливающая функция; метакоммуникативная контакторегулирующая функция; метакоммуникативные высказывания.

**Бабушкина Мария Александровна**

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск*  
*fairysky@yandex.ru*

**МЕТАКОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ  
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА**

Умение контролировать ход общения, достигать коммуникативной цели высказывания, четко излагать мысли и понимать собеседника позволяет нам построить успешное общение. Метакоммуникация, которая в современной коммуникативной парадигме понимается достаточно широко, позволяет справиться с проблемой непонимания между коммуникантами, нежелательного завершения беседы или ухода темы в иное русло. Прием и передача информации, являющиеся основной целью коммуникации, осуществляются при помощи механизмов установления, продления и завершения речевого контакта. Исходя из этого, коммуникация как осуществление когнитивной функции (передача информации) обязательно предполагает метакоммуникацию, сопутствующую ей и «призванную регулировать речевое общение средствами самого языка» [10, с. 1], а именно – фатическую метакоммуникацию, в которой реализуется фатическая функция (обеспечение контакта) [3].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей реализации метакоммуникативной функции.

Проблемы метакоммуникации являются актуальными для современной лингвистики, в частности прагматика метакоммуникативных высказываний. Это объясняется необходимой потребностью строить результативное общение; посредством метакоммуникативных средств языка находить способы предотвращения недопонимания коммуникантами друг друга и разрыва коммуникации. «Если участники коммуникации разделяют культурные ценности друг друга, то обладают знанием метакоммуникативных оттенков данной культуры или культуры в общем, в этом случае можно говорить об успешности коммуникации и достижении взаимопонимания», – писал Ю. Руеш [Цит. по: 5, с. 6]. Именно психиатром Ю. Руешем и философом Г. Бейтсоном [Там же, с. 5]